

МЕЖДУ ПОЭЗИЕЙ, ПЕРЕВОДОМ И *WELTLITERATUR*:
ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И РЕНАТО ПОДЖОЛИ

Майкл Вахтель, Бьянка Сульпассо

В 1946 году Вячеслав Иванов преподносит Ренато Поджоли в дар свою книгу *Человек*,¹ снабдив ее дарственной надписью: “поэту, знатоку русской словесности в знак уважения от Вячеслава Иванова”² (Личная библиотека Поджоли, Порто Санто Стефано). Их отношения завязались значительно раньше, когда совсем юный Ренато Поджоли, еще студент Флорентийского университета, писал Иванову, представляя на его суд перевод первого из “зимних сонетов”, а в 1928 году Поджоли впервые посетил Иванова в Риме.³

¹ *Ivanov V. L'uomo* / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano, F.lli Bocca Ed., 1946.

² “A Renato Poggiosi, poeta, conoscitore delle lettere russe, omaggio di Venceslao Ivanov”.

³ Ренато Поджоли родился во Флоренции в 1907 году. В его интеллектуальном развитии важную роль сыграли два пространства, в которых он формировался: с одной стороны – флорентийская литературная среда того времени, с другой – русская эмиграция в Италии. Его профессором был медиевист Николай Оттокар (1884–1957); русский язык Поджоли учил с Оттокаром и Зоей Воронковой, женой Этторе Ло Гатто, сестрой переводчицы Марии Матвеевны Воронковой (1890–1957?). В рамках истории итальянской славистики путь Поджоли вписывается в еще “свежую колею”, только что проложенную пионерами дисциплины (прежде всего Этторе Ло Гатто). Он наследует от них важные черты: страсть, стремление соединить академическую деятельность с культурным “активизмом”. Эти характеристики мгновенно проявляются и у молодого Поджоли – и столь же рано проступают качества, делающие его “нетипичным славистом”: во-первых, по тематическому выбору (он отдает предпочтение современной поэзии) в рамках дисциплины, тяготевшей к иным направлениям (история идей, классические периоды славянских литератур, “прозаики” больше, чем “поэты”). Во-вторых, по необычайной широте охвата: уже в самом начале он стал, пользуясь выражением Карло Бо, культурным посредником во всех смыслах этого слова. В США он непрерывно будет “картографировать” итальянскую современную литературу в форме хроник, так же как в Италии писал хроники русской, болгарской, польской, чешской литератур. Тем самым заранее формируется и его профиль компаративиста (достаточно вспомнить его страницы, посвященные Хаиму Нахману Бялику или Рамону Пересу де Айале). Еще важная черта его культурной дея-

Переписка между Вячеславом Ивановым и Ренато Поджоли охватывает период около восемнадцати лет – с 1928 по 1946 год, то есть эпоху, отмеченную глубокими политическими, культурными и биографическими разломами. Несмотря на то, что взаимоотношения Иванова и Поджоли отчасти уже привлекали внимание исследователей, их переписка до сих пор не была опубликована полностью и не рассматривалась как цельный корпус. Эпистолярный материал, предлагаемый вниманию читателей, является литературным памятником значительной ценности: он позволяет не только уточнить характер связей Поджоли с русской эмиграцией, но и глубже понять формы и направления диалога Иванова с итальянской славистикой и гуманитарной культурой в целом, подтверждая его роль “мостовой фигуры” между русской традицией и западноевропейским культурным пространством.

Переписка строится на двух основных тематических узлах. На первом этапе, совпадающем с годами формирования Поджоли и его первыми шагами как переводчика и критика, центральное место занимает проблема поэтического перевода. Первое письмо, датированное 25 ноября 1928 года, знаменует начало прямого диалога между молодым Поджоли – еще не завершившим университетское образование, но уже активно публикующимся и занимающимся переводами, – и Ивановым. В этом письме

тельности до отъезда в США – его интеллектуальная траектория разворачивается во многом “вне Италии”: сначала в странах Центральной-Восточной Европы – в Праге, Варшаве, Вильнюсе. Это движение связано и с программой депроvincialизации, воспринятой им во флорентийских интеллектуальных кругах; сюда же относится его участие в журналах, выходящих за пределы узкой славистики (особенно значима его роль в *Solaria*). Позднее Чезаре Павезе будет вспоминать этот период как “десятилетие переводов”, говоря об удушливой провинциальности итальянской среды: “Италия была отчуждённой, одичавшей, закостенелой – её надо было встряхнуть, расчистить и снова открыть всем весенним ветрам Европы и мира... Мы заново открыли Италию – вот в чём дело – разыскивая людей и слова в Америке, в России, во Франции и в Испании” (C. Pavese, *L'influsso degli eventi* / C. Pavese, *Saggi letterari*, Torino, Einaudi, 1968. P. 221-224). Следы активности Поджоли в этот оживленный период отражаются в воспоминаниях современников. Ключевая фигура тех лет, Томмазо Ландольфи, вспоминает кабинет Поджоли, его квартиру и кухню на другом берегу Арно возле Понте Веккьо, а также то, как он сам начал учить русский “подражая Поджоли”. Во флорентийском кафе “San Marco” Поджоли вместе с Ландольфи, Карло Бо, Серджо Балди и Оресте Макри “разделил карту” литературного Востока и Запада: Ландольфи и Поджоли “забрали” себе славянские страны. О биографии Ренато Поджоли см. Ч. Дж. Де Микелис, Ренато Поджоли / Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / Под ред. А. д’Амелия и Д. Рицци. М., Росспэн, 2019. С. 530-531. См. также: *Шишкин А., Сульпассо Б.* Переписка Вяч. Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. 1. СПб., Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 765.

Поджоли шлет Иванову собственный итальянский перевод первого из *Зимних сонетов*, прилагая к нему подстрочник и русский подлинник, и прямо просит поэта высказать свое мнение, по возможности на русском языке.

Выбор *Зимних сонетов* не случаен: Поджоли неоднократно будет называть этот цикл самым “человечным” лирическим произведением Иванова. Сопоставительный анализ италоязычных различных версий сонета – подстрочника, первой стихотворной версии 1928 года, машинописного варианта 1946 года и переработанного варианта, вошедшего в сборник *Il fiore del verso russo* (1949),⁴ – позволяет с особой наглядностью выявить ключевые принципы переводческой практики Поджоли. С исключительной последовательностью он сохраняет строфическую структуру и рифмовку оригинала, пусть даже ценой значительных семантических сдвигов, отражающих восприятие текста через призму итальянской поэтической культуры начала XX века. Как подчеркивает С. Фумагалли, эти решения помещают переводы Поджоли в продуктивную зону напряжения между русским символизмом и итальянской лирической традицией. “Итальянские” черты следует рассматривать не как стилистические искажения, а как результат сознательного процесса усвоения и последовательной переработки.⁵

Хотя прямой ответ Иванова на первую версию перевода 1928 года не сохранился, последующая переписка и косвенные свидетельства подтверждают, что поэт высоко оценил перевод Поджоли (см. письмо к Этторе Ло Гатто от 8 дек. 1928, RAI, оп. 3, к. 1, п. 21), даже если он был недоволен отдельными решениями переводчика.⁶ Тот факт, что спустя годы Поджоли ощущает необходимость “взять реванш” за перевод, кото-

⁴ *Il Fiore del verso russo* / A cura di Renato Poggioli. Torino, Einaudi, 1949.

⁵ *Fumagalli S.* Note sul metodo traduttivo di Renato Poggioli. La traduzione del primo sonetto invernale di Vjačeslav Ivanov: analisi filologica e variantistica // *Europa Orientalis*. 2021. № 40. С. 507-530. О переводческой деятельности Поджоли много было написано, см. среди пр. *Ghini G.* Tradurre il ritmo del poeta. Puškin nelle “versioni ritmiche” di Poggioli / *Studi Slavistici*, II. 2005. P. 81-96; Id., The Metric Equivalent in Poggioli’s ‘Rhythmic Versions’ from Pushkin, Tjutchev, Pasternak, and Akhmatova // Renato Poggioli. An Intellectual Biography / Ed. By R. Ludovico, L. Pertile, M. Riva, Firenze, Olschki, 2012. P. 89-101; *Niero A.* Il fiore del verso russo di Renato Poggioli / Id., Tradurre poesia russa. Analisi e autoanalisi, Maccratta, Quodlibet, 2019. P. 107-183; *Sulpasso B.* Il “Pasternak” di Renato Poggioli // *In Limine. Frontiere e integrazioni* / A cura di D. Poli, Roma, Il Calamo, 2019. P. 629-651.

⁶ Изменения, внесенные в версию 1949 года (как в случае замены “lume d’idromele” на “fiume d’oro lieve”), свидетельствуют о решающем значении прямого диалога с Ивановым.

рый раньше не вполне удовлетворил Иванова, показателен для понимания важности первоначального суждения Иванова и его значения для интеллектуальной биографии Поджоли.

Второй этап переписки разворачивается уже после эмиграции Поджоли и приобретает более отчетливо выраженный теоретический и проектный характер. Диалог между двумя интеллектуалами, находящимися по разным сторонам Атлантики, с особой интенсивностью возобновляется в 1946 году, в связи с основанием журнала “*Inventario*” и попыткой Поджоли восстановить – в том числе символически – культурные связи с Италией. В этом контексте Иванов выступает для Поджоли не только как поэт и учитель, но и как привилегированный собеседник по вопросам широкого теоретического масштаба: концепции *Weltliteratur*, органической роли языка в литературном творчестве, места русской литературы в европейской традиции, понимаемой как динамическая система обменов и взаимодействий. Письма свидетельствуют о существовании амбициозного культурного проекта, направленного на вовлечение ведущих фигур европейской культуры в сравнительное осмысление национальных литератур, замысла, который, однако, так и не был осуществлен.

Иванов не станет непосредственным сотрудником “*Inventario*”, однако его интеллектуальное присутствие останется центральным и символически значимым: в 1950 году Поджоли посвящает ему обширную статью, открывающую номер журнала и приобретающую значение прощального жеста по отношению к недавно ушедшему мастеру, а также итогового размышления о литературе как пространстве транснационального диалога.⁷

Письма свидетельствуют о роли Иванова как ключевой фигуры итальянской славистики первой половины XX века, способной выполнять функцию посредника между русской и западноевропейской культурами даже в условиях относительной изоляции. Одновременно переписка наглядно документирует процесс становления Поджоли как переводчика, критика, показывая, сколь глубокое влияние Иванов оказал на его формирование как слависта, компаратиста.

⁷ Poggioli R. Corrispondenza da un angolo all'altro / *Inventario* III, 1950. P. 1-20 (итальянская версия статьи A Correspondence from Opposite Corners / *Perspectives of Criticism* / Ed. by H. Levin, Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1950. P. 223-248).

* * *

Переписка между Вячеславом Ивановым (1866-1949) и Ренато Поджоли (1907-1963) на сегодняшний день насчитывает 5 писем и 1 открытку, охватывая период с 1928 по 1946 год. Публикуемые здесь материалы хранятся в Исследовательском Центре Вячеслава Иванова в Риме (Римский Архив Вячеслава Иванова, оп. 5, к. 20, <https://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k20-p01-p20.htm>)⁸ и в Фонде Ренато Поджоли (FRP, Рим, письмо но. 5; фонд еще не полностью обработан и находится на стадии описания).⁹

1 .

Ренато Поджоли – Вячеславу Иванову

Firenze 25 Novembre 1928

Illustre maestro,

Le mando la mia traduzione del I° dei suoi “Sonetti Invernali” e le accludo anche la versione letterale ed il testo originale, copiato dall’Antologia che io possiedo.

Le sarò grato se mi volesse scrivere le sue impressioni, soprattutto se vorrà scrivermele in lingua russa, che amo quanto la mia.

Presto Le manderò qualche altro sonetto: intanto La ringrazio e La Saluto con ammirazione.

“Vagliami il grande studio e il lungo amore”.

Renato Poggioli

Firenze - V. Bardi 40

⁸ В Римском архиве Иванова хранятся также два машинописных листа, оба датированные 1946 годом. Они включают перевод с промежуточным вариантом первого из Зимних сонетов (карандашом указано, по-итальянски: “Ricevuto il 27 luglio 1946” (получено 27 июля 1946 г.), а также перевод стихотворения Da Lungi с дарственной надписью Ренато Поджоли: Къ Вячеславу Иванову. 28 Febbraio 1946. In segno di devoto omaggio da Renato Poggioli (Къ Вячеславу Иванову. В знак преданного почтения от Ренато Поджоли).

⁹ Искреннюю признательность выражаем С. Поджоли и А.Б. Шишкину за любезно предоставленное разрешение на публикацию данных материалов.

Досточтимый учитель!

Шлю Вам свой перевод первого из ваших “Зимних сонетов”¹⁰ и прилагаю также дословный перевод и текст оригинала, переписанный из имеющейся у меня антологии¹¹.

Буду признателен, если Вы сообщите мне о своих впечатлениях, особенно если пожелаете написать мне их на русском языке, который я люблю не меньше, чем свой.

“Уважь любовь и труд неутомимый”.¹²

Флоренция - У. Барди 40 -

Ренато Поджоли

Вячеславъ Ивановъ
Зимніе Сонети¹³

I

Скользятъ полозья. Свѣтѣль мертвый снѣгъ.
Волшебнѣ лѣсъ торжественный заснѣженъ.
Лебязьимъ пухомъ сводъ небесъ омреженъ.
Быстрѣй оленя тучь подлунный бѣгъ.¹⁴

¹⁰ Выбор *Зимних сонетов* Поджоли объяснял и позднее: он неоднократно восторженно писал об этом цикле, считая его одним из “высочайших поэтических произведений” Иванова. В *Il fiore del verso russo* он пишет: “Как поэт он наконец превзошел самого себя и свою манеру в цикле *Зимних сонетов*, где человеческая и историческая трагедия Революции созерцается в материальной реальности холода и зимы, в невозможности найти ночлег и победить голод: в том абсолютном чувстве равенства человеческой участи, которое может быть дано лишь возвращением к варварству или к доисторическому состоянию” (*Il fiore del verso russo* / A cura di Renato Poggioli, Torino, Einaudi. P. 57. См. также на страницах “*Inventario*”, III (1950), p. 4.

¹¹ *Иванов Вяч. Зимніе сонеты // Поэзія революціонной Москвы / Подъ редакцией И. Эренбурга. Берлин, Издательство Мысль, 1922.*

¹² Цитата из *Божественной Комедии, Ад, Песнь I*, ст. 82, где Данте обращается к Вергилию, признавая его Учителем, – так, вероятно, и молодой Поджоли к Иванову (пер. М. Лозинского; ориг.: “Vagliami il grande studio e il lungo amore”).

¹³ Так в тексте. В антологии Эренбурга “Сонеты”.

¹⁴ *Быстрѣй*. – В присланной рукописи фиолетовым исправлены некоторые орфографические ошибки (в рамках дореволюционной орфографии, здесь обозначены подчеркиванием): 4 *быстрей* > *быстрѣй*, 5 *дальный* > *дальній*, 10 *Страннопріймно* > *страннопріимно*”, 13 *средь* > *средь*. Как отмечает С. Фумагалли, “В стихе 8 глагол “сулить” заменен на “сулишь”. Первый вариант с формой третьего лица единственного числа зафиксирован в

Чу, колоколь поетъ про дальнѣй брегъ;
А сонъ полей безвѣстенъ и безбреженъ.
Неслѣженъ путь и жребій неизбѣженъ.
Святая ночь, гдѣ мнѣ сулишь ночлеги?

И вижу я, какъ бы въ кристаллѣ дымномъ,
Мою семью въ дому страннопрѣимномъ,
Въ медвяномъ свѣтѣ праздничныхъ огней.

И сердце тайной близостью томимо,
Ждетъ искорки средѣ бора; но саней
Прямой полетъ стремится мимо, мимо.

Vjačeslav Ivànovič Ivànov
Sonetti Invernali

I

Scivolano le slitte. È rilucente la morta neve.
La solenne foresta è magicamente nevosa.
La volta dei cieli è trapunta d'una peluria di cigno.
La corsa sublunare delle nuvole è più veloce del cervo.

антологии Ильи Эренбурга, которая, в свою очередь, без изменений воспроизводит первую публикацию 1920 года в журнале “Художественное слово”. Второй вариант, с формой второго лица единственного числа, восходит к рукописям, предшествующим этим двум публикациям (которые, очевидно, воспроизвели ошибку чтения рукописного текста), и предвосхищает исправление, внесенное в последующие прижизненные печатные издания, подготовленные самим поэтом (в *Oxford Slavonic Papers* и в “Свете вечернем”). Поскольку по состоянию на 1928 год доступ к рукописям имел лишь Иванов или лица из его ближайшего окружения, практически не вызывает сомнений, что данные исправления являются автографическими, то есть принадлежат самому поэту”, S. Fumagalli, *Note sul metodo traduttivo di Renato Poggioli*, с. 510. До конца своих дней Иванов считал новую орфографию “уродливой и невразумительной”, а старую – “единственно приличествующей стихам”. Кулюс С.К. – Шишкин А.Б., Письмо Вяч. Иванова к С.А. Коновалову (1946) // Кумпан К.А. – Обатнина Е.Р. / *Memento vivere: Сборник памяти Л.Н. Ивановой*. СПб, Наука, 2009. С. 280.

Подлунный. – “Поджоли приводит форму “подлунный” (последовательно воспроизводя чтение предшествующих печатных изданий) в форме именительного падежа единственного числа мужского рода, соответственно согласуя ее со словом “бег”. Однако в более ранних рукописях, а также в последующих изданиях встречается форма “подлунных” в родительном падеже множественного числа, относящаяся, следовательно, к слову “туч”. По-видимому, Иванов не заметил этого колебания и не исправил текст, что, однако, не отразилось в переводе Поджоли, где данное прилагательное вообще опущено”, Fumagalli S. *Note sul metodo traduttivo di Renato Poggioli*. Там же.

Ascolta, la campana canta sopra una proda lontana.
 E il sonno delle pianure è ignoto e sterminato.
 Non è tracciato il cammino ed è inevitabile la sorte.
 O Sacrosanta notte, dove mi prometti un giaciglio?

Ed io vedo come in un cristallo appannato
 La mia famiglia in una casa stranamente ospitale
 nella luce di miele dei fuochi di festa.

E il cuore, oppresso da una vicinanza segreta
 attende le faville in mezzo al bosco; ma delle slitte
 il volo diritto si dirige innanzi, innanzi.

Versione letterale di Renato Poggioli

Venceslao Ivanov
 Sonetti invernali

I

Van le slitte. La neve è come un lume;
 nuvole vanno come bianche renne
 nel paradiso tremulo di penne
 e dorme la boscaglia come un nume.

Rintoccan le campane d'oltrefiume,
 i campi un sonno dormono perenne.
 Destino inevitabile e solenne:
 nessun giaciglio m'offre le sue piume.

Ma nel vetro fumoso d'una lente
 Io vedo in un ricovero clemente
 la famiglia in un lume d'idromele.

E un desiderio l'anima mi strugge:
 cerco il fuoco e non vedo che le vele
 d'una slitta tra gli alberi che fugge.

Traduzione di Renato Poggioli

2.¹⁵

Ренато Поджоли – Вячеславу Иванову

Адрес на открытке: Prof. Venceslao Ivanov. Almo Collegio “Borromeo”.
Pavia

Firenze 30 XII '28
Auguri di buon anno
Renato Poggioli

Флоренция 30 XII '28
Поздравления с Новым годом
Ренато Поджоли

3.¹⁶

Ренато Поджоли – Вячеславу Иванову

Istituto di Cultura Italiana
Praga, 23 gennaio '35-XIII

Caro Maestro,

sono infinitamente lieto che il mio piccolo posto dell'anno scorso presso l'Università fiorentina sia ora occupato da un poeta della sua grandezza e del suo nome, e spero che il comune amico Ottokar Le abbia già espresso questo mio sentimento. Così pure son molto lieto di poter sottoporre al suo giudizio e alla sua stima entro quest'anno, non voglio dire la conoscenza, ma il mio amore per la letteratura russa. Vorrei anche vendicarmi d'una traduzione mia che non Le è piaciuta (il I dei Sonetti Invernali) e chiederLe consiglio e testo per qualche mia altra versione per Circoli e per una II edizione (ben più com-

¹⁵ Почтовая открытка.

¹⁶ Автограф письма, написанный на бланке Института итальянской культуры в Праге.

pleta!) della mia antologia. Sto anche lavorando sul N°. unico del Convegno e della Corrispondenza.

Voglia gradire, illustre maestro, i sensi di devota simpatia del suo giovane amico italiano

Renato Poggioli

Институт итальянской культуры

Прага, 23 января '35-ХІІІ

Дорогой Учитель,

я бесконечно рад, что скромное мое прошлогоднее место во Флорентийском университете теперь занимает поэт Вашего масштаба и Вашей славы, и надеюсь, что наш общий друг Оттокар уже передал Вам это мое чувство.¹⁷ Также очень рад, что могу представить Вашему суду и оценке до конца года — не скажу знание, скорее — мою любовь к русской литературе. Хотел бы также отыгаться за свой перевод, который Вам не понравился (сонет I из Зимних сонетов), и просить у Вас совета и текст для очередных моих переводов для Circoli и для второго издания (куда более полного!) моей антологии¹⁸. Я также работаю над посвященным Вам выпуском Convegno и Corrispondenza.

Примите, досточтимый Учитель, чувства преданной приязни Вашего молодого итальянского друга

Ренато Поджоли

¹⁷ Речь идет о попытке Иванова занять место (*incarico*) на кафедре славистики в университете во Флоренции, открывшееся после того, как Поджоли его освободил. Несмотря на усилия многих видных ученых и вопреки их ожидания, попытка не увенчалась успехом. См. *Гардзонио С.* Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову // Вестник истории литературы искусства. М., 2006. С. 519-523.

¹⁸ Речь идет об антологии *La violetta notturna. Antologia di poeti russi del Novecento* / A cura di R. Poggioli. Lanciano, Carabba, 1933.

4.¹⁹

Ренато Поджоли – Вячеславу Иванову

16 v 1946

A Venceslao Ivanov.

Roma, Italia.

Caro xxxxx²⁰ Maestro,

quassù Herbert Steiner [ed io] abbiamo molto pensato e parlato di Lei. E siamo contenti d'avere finalmente ricevute sue notizie.

Come la testata di questa lettera dimostra, io ho rotto finalmente, dopo otto anni, il mio esilio dall'Italia, che era più che letterario. Ed è per 'Inventario', una rivista letteraria di cui le ho già fatto mandar copia del primo numero, che oggi Le scrivo.

Intento pubblicare su 'Inventario' una serie di articoli di vari scrittori sulle letterature nazionali d'Europa e d'America, da un punto di vista simile a quello della bella lettera in cui Karl Vossler mise in rilievo per Hugo von Hofmannst[h]al il messaggio che la letteratura spagnuola classica poteva contenere per un poeta o un lettore del nostro tempo.

Ho invitato Thomas Mann, G.A. Borgese e T.S. Eliot a scrivere per noi saggi analoghi sulla letteratura tedesca, italiana ed inglese. Ne chiederò altri a scrittori di alto valore. Vuol Lei scrivere per noi un saggio sulla letteratura russa, sul suo significato di fronte alla Weltliteratur ed allo Zeitgeist? Steiner, che dirige qui [Mesa,] una bella rivista internazionale di poesia, sarebbe disposto a pubblicare, dopo di noi, il suo saggio in versione inglese o tedesca. Lei può scriverlo in italiano od in russo: in tal caso, mi riserberei l'onore di tradurlo.

Quando la serie sarà completa, pubblicheremo la raccolta in volume, in un'edizione italiana e in un'edizione inglese. La prima sarà fatta dalla casa

¹⁹ Машинописное письмо с рукописными исправлениями и дополнениями пером, обозначенными в транскрипции текста квадратными скобками: [...]. Письмо написано на фирменном бланке: Инвентарио. Издательство братьев Паренти. Via XX Settembre, 30 – Флоренция. Директора: Луиджи Берти и Ренато Поджоли. Международный редакционный комитет: Т.С. Элиот – Гарри Левин – Анри Пейр – Педро Салинас – Герберт Штайнер – Владимир Набоков – Манфред Кридл. Современная библиотека под руководством: Ренато Поджоли, Марстон Холл, Брауновский университет, Провиденс 12, Р.-Ай. США.

²⁰ В данном месте письма текст зачеркнут.

fiorentina Parenti, la seconda, da un editore americano, che potrà arrotondare il compenso iniziale, modesto, pagato dall'editore italiano. Nel caso che Lei accetti, Parenti le corrisponderà immediatamente la parte... italiana dell'onorario dovutole.

Le sarò infinitamente grato d'una risposta.

Con affettuosa ed ammirata devozione, mi creda,

il Suo
Renato Poggioli²¹
 Renato Poggioli

Marston Hall, Brown University, Providence, R.I.

PS. Se preferisce, può rispondermi presso il Signor Luigi Berti, via la Farina 9, Firenze, che mi recapiterà immediatamente la sua lettera.

Unisco i saluti di Herbert Steiner ai miei.

16 v 1946

Вячеславу Иванову.

Рим, Италия.

Дорогой xxxxx²² Учитель,

Мы тут на севере с Гербертом Штайнером много думали и говорили о Вас.²³ И рады, что наконец получили от Вас весточку. Как явствует из шапки этого письма, я наконец, после восьми лет прервал свое изгнание из Италии, которое было не только литературным.²⁴ Пишу я Вам сегодня

²¹ Автограф.

²² В данном месте письма текст зачеркнут.

²³ Герберт Штайнер (Herbert Steiner, 1892-1966), редактор видного немецкого журнала "Corona", где Иванов часто публиковался в 30-х годах. В 1940 г. он уехал из Швейцарии в США, где познакомился с Поджоли, считавшим его "идеальным международным литератором" ("perfetto letterato internazionale"). *Poggioli R. - Berti L. Carteggio 1931-1946. La nascita di "Inventario".* / A c. di M. Fabrizzi. Firenze, Società Editrice Fiorentina, 2024. P. 49.

²⁴ В письме поэту Джузеппе Унгаретти, касающемся разрыва – в том числе и литературного – с Италией, Поджоли писал в 1946 году: "Я приехал сюда в 1938 году, решив порвать все отношения, в том числе литературные, с Италией. Полагаю, что в то время Вы находились в Бразилии. Здесь меня назначили профессором, и я терпеливо принял"

в связи с “*Inventario*”, литературным журналом, чей первый номер я Вам уже велел отправить.

Намереваюсь опубликовать в “*Inventario*” серию статей разных писателей о национальных литературах Европы и Америки – в том же ключе, что и прекрасное письмо, где Карл Фосслер выявил для Гуго фон Гофманстала ценность, которая испанская литература может иметь для поэта или читателя нашего времени.²⁵

Я пригласил Томаса Манна, Дж.А. Борджезе²⁶ и Т.С. Элиота написать для нас подобные очерки о немецкой, итальянской и английской литературах. Попрошу написать и других писателей высокой пробы. Не напишете ли Вы для нас очерк о русской литературе, о ее значении на фоне *Weltliteratur*²⁷ и *Zeitgeist*? Штайнер, руководящий здесь [Mesa,] прекрас-

за работу, не помышляя о публикациях даже здесь. Я написал много книг, и крупных, и теперь, с издательствами Guanda, Parenti и другими, надеюсь увидеть их опубликованными” (письмо от 31 января 1946 года, FRP, Рим).

²⁵ *Vossler Karl* Spanischer Brief // Eranos. Hugo von Hofmannsthal zum 1. Februar 1924. München, Bremer Presse, 1924. P. 123-153.

²⁶ Джузеппе Антонио Борджезе (1882–1952) был писателем, ученым, журналистом и антифашистом. Он приходился зятем Томасу Манну (1875–1955), поскольку женился на его младшей дочери Элизабет 23 ноября 1939 года в часовне Принстонского университета (Элизабет Манн тогда было 21 год, Борджезе – 57 лет). Т. С. Элиот (1888-1965) благожелательно относился к журналу “*Inventario*” в том числе потому, что Луиджи Берти перевёл на итальянский язык один из его поэтических сборников. Как писал Берти в письме Поджоли 1 мая 1946 года, “его имя и его непосредственное сотрудничество произвели в Италии несомненное впечатление”, см. *Berti L. - Poggioli R.: Carteggio 1931-1946. La nascita di “Inventario”/ A cura di M. Fabrizzi*. P. 315.

²⁷ Понятие “мировой литературы”, обычно приписываемое Гете, возникло не в эссе, а в разговоре, зафиксированном его секретарем Иоганном Петером Эккерманом и датированном 31 января 1827 года.

“Я все больше убеждаюсь, – продолжал Гете, – что поэзия является общим достоянием человечества и что она повсюду и во все времена проявляется в сотнях и сотнях людей. Один делает это немного лучше другого и немного дольше держится на поверхности – вот и все. Поэтому господин фон Маттисон не должен думать, будто это он, и я не должен думать, будто это я; напротив, каждый должен сказать себе, что поэтический дар вовсе не такая уж редкость и что ни у кого нет особых оснований слишком заноситься, если ему удастся написать хорошее стихотворение.

Но, конечно, если мы, немцы, не выходим за узкие рамки собственного окружения, мы слишком легко впадаем в этот педантичный чванливый дух. Поэтому я с удовольствием оглядываюсь на чужие нации и советую каждому делать то же самое. Национальная литература ныне уже не значит многого: настала эпоха мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать ее ускорению.

ным международным поэтическим журналом,²⁸ был бы готов опубликовать после нас Ваш очерк в английском или немецком переводе. Вы можете написать его по-итальянски или по-русски: в таком случае я оставил бы за собой честь его перевести.

Когда серия будет завершена, опубликуем сборник отдельным томом, в итальянском и английском изданиях. Первое выпустит флорентийское издательство Паренти, второе – американский издатель, который сможет

Однако и при таком уважении к иностранному мы не должны цепляться за что-то особенное и желать видеть в нем образец. Мы не должны думать, что образцовым является китайское, или сербское, или Кальдерон, или *Нибелунги*; напротив, при потребности в чем-то образцовом мы всегда должны обращаться к древним грекам, в чьих произведениях неизменно представлен прекрасный человек. Все остальное мы должны рассматривать лишь исторически и усваивать из этого доброе настолько, насколько это возможно". Goethes Gespräche mit Eckermann. Berlin, Aufbau-Verlag, 1955. P. 278-279.

Сам термин появляется в этой беседе, однако понятие выступает в разных контекстах. Для всесторонней реконструкции гетевской идеи Weltliteratur см. статью Хендрика Бируса: *Birus H. Goethes Idee der Weltliteratur. Eine historische Vergegenwärtigung // Weltliteratur heute. Konzepte und Perspektiven / Manfred Schmeling, Rüdiger Schmitt, Hendrik Birus (Hrsg.). Würzburg, Königshausen & Neumann, 1995. P. 5-28 (Saarbrücker Beiträge zur Vergleichenden Literatur- und Kulturwissenschaft, Bd. 1).*

Mesa. – Речь идет о журнале, издаваемом Штайнером, впервые вышедшем осенью 1945 года. Поджоли часто упоминает журнал в переписке тех лет, в том числе в письмах к Берти, см. *Berti L. - Poggioli R. Carteggio. 1931-1946. La nascita di "Inventario" / A cura di Marta Fabrizzi.*

²⁸ Эта идея, которую предполагалось обсуждать с ведущими учеными и писателями, представляющими различные национальные литературы, высказывается в нескольких письмах Поджоли, например в письме, написанном по-английски Гарри Левину 30 апреля 1946 года (примерно за две недели до письма Иванову): "Другой проект заключается в том, чтобы периодически публиковать панорамные обзоры различных национальных литератур, которые впоследствии будут собраны в виде книги. Возможно, Вам известно прекрасную статью, которую Карл Фосслер написал в форме письма Гофмансталу, чтобы показать значение и ценность испанской литературы для современного европейского читателя – или, точнее, для современного поэта. Именно такая перспектива должна быть избрана в каждом из этих материалов. Я собираюсь пригласить: Фосслера – для итальянской литературы; Иванова – для русской; Т[homas] Манна – для немецкой; Жида – для французской; Кридла – для всех малых славянских литератур. Позволяю себе пригласить Вас написать эссе об американской литературе, а Теодора Спенсера – об английской. Наконец, надеюсь, Вы будете столь любезны сообщить мне, найдется ли среди шведских ученых, ныне работающих в Гарварде, кто-нибудь готовый написать о скандинавских литературах. Я напишу ряд заключительных размышлений обо всем проекте, когда он будет завершен". Этот амбициозный проект так и не был реализован: в выпусках журнала *Inventario* не обнаруживается никаких следов его осуществления.

округлить [вверх] первоначальный, скромный гонорар, выплаченный итальянским издателем. В случае Вашего согласия, Паренти немедленно выплатит Вам итальянскую... часть причитающегося вам гонорара.

Буду бесконечно признателен за ответ. С сердечной и восхищенной преданностью, остаюсь

Ваш

Ренато Поджоли²⁹

Марстон Холл, Брауновский университет, Провиденс, Р.-Ай.

P.S. Если вам удобно, можете ответить мне на адрес синьора Луиджи Берти, виа ла Фарина 9, Флоренция, который тут же перешлет мне Ваше письмо. Присоединяюсь к Герберту Штайнеру и также шлю Вам привет.

5.

Вячеслав Иванов – Ренато Поджоли

Roma, 17 Luglio 1946

via Leon Battista Alberti, 5 (S. Saba)

Caro Professore,

Perdoni alla mia vecchiaia tale lentezza nel ringraziarLa della Sua cortese e cordiale lettera, che mi procura anche la gioia d'un contatto col Suo cenacolo. Che Ella e Herbert Steiner abbiano "molto pensato e parlato" di me, mi commuove. Dica al mio illustre e fedele amico i miei cari saluti, il mio grato animo, il mio affetto. Purtroppo non posso impegnarmi a scrivere il piccolo saggio ch'Ella mi chiede. Delle poche ore in cui sono capace di lavorare debbo approfittare in fretta per condurre a termine parecchio rimasto finora incompiuto. D'altronde il tema stesso – sia pure ciò che di <r>o [sic!] piuttosto strano – mi riesce troppo difficile. In una conversazione con Lei sull'argomento della Sua inchiesta, Le confesserei innanzi tutto il mio scetticismo quanto all'esistenza reale di quella che si chiama "Weltliteratur". Se non si tratta addirittura d'una astrazione, che cosa effettivamente sarebbe? Un museo di gessi? Infatti Goethe, nelle conversazioni con Eckermann, raccomandava agli stranieri lo studio della lingua tedesca, perché la conoscenza di questa li inizierebbe simultaneamente, per mezzo di moltissime ed eccellenti traduzioni tedesche, alle letterature greca, latina, italiana, spagnuola, ecc. O forse qualcosa di simile a una internazionale o ad una società delle nazioni? Non può esservi, a parer mio,

²⁹ Автограф.

una letteratura universale, quale arte (non riproduzione), come non esiste una lingua universale comune a tutti gli uomini. Poiché la letteratura d'una nazione è un prodotto organico della sua lingua. La sua essenza, indole, anima, originalità, il suo stesso valore artistico non sono che l'esplicazione del principio morfologico proprio della lingua che la crea. Comunque, – a prescindere da codeste riflessioni, – io da parte mia mi sento a tal segno immerso nell'elemento della mia lingua nativa e nella personalità collettiva della letteratura russa da non essere davvero in grado d'esaminarne la fisionomia dal di fuori né di valutarne l'apporto nel tesoro comune dell'umano spirito.

Ho veduto il primo fascicolo – bellissimo! – di Mesa. Invece non ho ricevuto quello d'Inventario di cui Ella mi scrive.

Con ringraziamenti, auguri e saluti cordiali, La prego di credermi
il Suo devotissimo
Venceslao Ivanov

Вячеслав Иванов – Ренато Поджоли

Рим, 17 июля 1946 г.

улица Леон Баттиста Альберти, 5 (Сан-Саба)

Дорогой профессор,

Прошу простить мою старость за такое промедление с благодарностью за Ваше любезное и сердечное письмо, которое также доставляет мне радость общения с Вашим кружком. Я тронут тем, что Вы и Герберт Штайнер “много думали и говорили” обо мне. Передайте от меня моему выдающемуся и верному другу искренний привет, признательность и преданность. К сожалению, я не могу взять на себя обязательство написать маленькое эссе, которое Вы просите. Я вынужден пользоваться теми немногими часами, когда я способен работать, чтобы доделать то, что осталось неоконченным. Кроме того, сама тема, сколь бы странно это ни звучало, мне кажется непосильной. Кроме того, сама тема, сколь бы странно это ни звучало, мне кажется непосильной. В беседе с Вами о Ваших изысканиях я прежде всего признался бы Вам в своем скепсисе насчет существования в реальности того, что называется “Weltliteratur”. Если это не просто абстракция, тогда что это? Музей слепков? В самом деле, Гете в беседах с Эккерманном посоветовал иностранцам изучать немецкий язык, потому что знание его одновременно ввело бы их, через множество превосходных немецких переводов, в греческую, латинскую,

итальянскую, испанскую и др. литературы.³⁰ Или, может быть, это что-то вроде интернационала или сообщества наций? На мой взгляд, не может быть универсальной литературы как искусства (не воспроизведения), как не существует универсального языка для всех людей. Ведь национальная литература является органическим продуктом ее языка. Ее суть, характер, душа, оригинальность, даже художественная ценность являются лишь проявлением морфологического начала, присущего языку, который ее создает. В любом случае, – отвлекаясь от этих размышлений, – я сам чувствую себя настолько погруженным в стихию своего родного языка и в коллективную личность русской литературы, что я в самом деле я не в состоянии обозреть ее обличье извне или оценить ее вклад в общую сокровищницу человеческого духа.

Я видел первый выпуск – прекрасный! – журнала Mesa. Однако я не получил номер журнала Inventario, о котором Вы мне писали.

С благодарностью, наилучшими пожеланиями, сердечным приветом и заверениями в преданности,

Ваш Вячеслав Иванов

³⁰ В записи от 10 января 1825 года Эккерман передает слова Гете, обращенные к посетителю из Англии, изучавшему немецкий язык:

“Но, как я уже сказал, ваши молодые соотечественники поступают разумно, когда теперь приезжают к нам и изучают также наш язык. Ибо не только наша собственная литература сама по себе того заслуживает, но и нельзя отрицать, что тот, кто теперь хорошо понимает немецкий, может обойтись без многих других языков.

О французском я не говорю: это язык общения и особенно незаменим в путешествиях, потому что его понимают все и во всех странах с его помощью можно обойтись вместо хорошего переводчика. Что же касается греческого, латинского, итальянского и испанского, то мы можем читать лучшие произведения этих народов в столь хороших немецких переводах, что без каких-либо особых целей у нас нет оснований тратить много времени на трудоемкое изучение этих языков. В немецкой природе – уметь ценить все иностранное по достоинству и приспосабливаться к чужой своеобразности. Это, а также большая гибкость нашего языка, делает немецкие переводы в высшей степени верными и совершенными. И затем нельзя отрицать, что в целом с хорошим переводом можно продвинуться очень далеко. Фридрих Великий не знал латыни, но он читал своего Цицерона во французском переводе столь же хорошо, как мы, другие, в подлиннике”. Goethes Gespräche. 153-154.

6.

Ренато Поджоли – Вячеславу Иванову³¹BROWN UNIVERSITY
Providence, Rhode Island

18 Agosto 1946

A Venceslao Ivanov,
via Leon Battista Alberti, 5 (San Saba).
Roma, Italy.

Illustre Maestro,

grazie infinite della Sua lettera, veramente preziosa, del 17 luglio. Preziosa fra l'altro per le idee veramente belle e suggestive sul concetto di 'letteratura universale'. Il Suo concetto della letteratura come creazione organica dalle radici morfologiche della lingua è teoria che fa pensare. Discutendola poi dal punto di vista un po' pratico e meschino della letteratura che si fa (in questo caso, della mia richiesta per quell'articolo per la nostra rivista), mi permetto però di osservare che sarebbe stato difficile trovare un'occasione migliore di parlare, controcorrente, della letteratura russa come individuum, suggerendo quindi lo stesso punto di vista per le altre letterature.

Dirò a Steiner della Sua lettera, quando lo vedo, e spero che potremo rispondereLe insieme. Questa volta non potevo far a meno di farLe sapere che ho ricevuto la Sua, e di tentarLa ancora. "Il diavolo è critico", dice Dostoevskij: ed io potrei aggiungere, se permette il facile scherzo, che qualche volta è direttore di rivista. Sento da Lei che Lei continua il Suo ammirevole lavoro: non potrebbe trovare fra le belle cose che sta facendo, unità o frammento, qualcosa che non Le dispiacerebbe di veder pubblicata su 'Inventario', e che Lei potrebbe mandare al mio amico Luigi Berti, a Firenze, in Via la Farina 9, anche se si tratta di scritto che vuol ad un tempo pubblicare anche altrove, e xxxxxx³² di cui possa mandarci copia in qualunque lingua esso sia stato composto?

³¹ Машинописное письмо, напечатанное на фирменном бланке Brown University, Providence Rhode Island.

³² В данном месте письма текст зачеркнут.

Il Signor Berti, per la cui mediazione Ella riceve questa lettera, Le manderà in esame un numero della rivista.

Voglia accogliere, caro maestro, l'espressione sincera della mia devota ammirazione.

Il Suo
Renato Poggioli

18 августа 1946 г.
Вячеславу Иванову
ул. Леона Баттисты Альберти, 5 (Сан-Саба)
Рим, Италия

Досточтимый Учитель,

бесконечное Вам спасибо за Ваше поистине драгоценное письмо от 17 июля. Драгоценное, среди прочего, поистине прекрасными и заманчивыми идеями о концепции “всемирной литературы”. Ваша концепция литературы как органического творения от морфологических корней языка – теория, наводящая на раздумья. Обсуждая ее, однако, с несколько практической и мелочной точки зрения текущей литературной практики (в данном случае – моей просьбы о статье для нашего журнала), позволю себе все же заметить, что трудно было бы найти лучший повод поговорить, идя против течения, о русской литературе как об individuum, намекая тем самым на ту же точку зрения и для других литератур.

Расскажу Штайнеру о Вашем письме, когда увижусь с ним, и надеюсь, что сможем ответить Вам вместе. На этот раз я не мог не дать Вам знать, что получил Ваше письмо, и не попытаться еще раз Вас искушить. “Дьявол – критик”, говорит Достоевский;³³ и я мог бы добавить, если позволите эту нехитрую шутку, что иногда он – журнальный редактор. Узнаю от Вас, что Вы продолжаете свою замечательную работу: не могли бы Вы найти среди прекрасных вещей, что Вы делаете, целое или фрагмент – что-то, что Вы были бы не прочь видеть опубликованным в “Inventario” и что Вы могли бы послать моему другу Луиджи Берти во Флоренцию, виа ла Фарина 9, даже если речь идет о тексте, который Вы хотите одно-

³³ На самом деле Достоевский ничего подобного не говорил; по-видимому, эта идея восходит к репликам дьявола в сцене его разговора с Иваном Карамазовым из романа *Братья Карамазовы*.

временно опубликовать и в другом месте, и xxxxxx³⁴ копию чего можете нам прислать на любом языке, на каком бы он ни был написан?

Синьор Берти, через посредство которого Вы получаете это письмо, пошлет Вам для ознакомления номер журнала.

Примите, дорогой учитель, искреннее выражение моего преданного восхищения.

Ваш
Ренато Поджоли

Abstract

Between Poetry, Translation, and *Weltliteratur*: The Correspondence of Vyacheslav Ivanov and Renato Poggioli.

This article presents the complete correspondence of Vyacheslav Ivanov (1866-1949) and Renato Poggioli (1907-1963), preserved at the Vyacheslav Ivanov Research Center in Rome and in the Poggioli Archive (Rome), dating from 1928 to 1946. Although limited in extent, this epistolary corpus is of significant scholarly interest for the reconstruction of Poggioli's formative development as a translator, critic, and comparatist, as well as for an assessment of Ivanov's role as a key cultural mediator between Russian literature and Italian Slavic studies in the first half of the twentieth century.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Renato Poggioli, correspondence, Italian Slavic Studies, translation, *Weltliteratur*, poetic translation.

³⁴ В данном месте письма текст зачеркнут.